

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ XX В.

© 2013 г.

С.И. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

suhih_sios@mail.ru

Поступила в редакцию 08.09.2012

Рассматривается место литературы 40-х гг. в литературном процессе XX в. Предлагается и обосновывается новая гипотеза: именно этот период развития советской литературы является границей между первой и второй половинами XX в.

Ключевые слова: история литературы, литературный процесс, Великая Отечественная война, свобода.

В вопросах периодизации литературного процесса филология обычно следует за историей, выделяя большие периоды развития литературы согласно традиционной хронологической 100-летней схеме: XIX в. – с 1801 по 1899, XX, соответственно, с 2000 по 1999 и т.д. Более краткие периоды привязываются к историческим событиям внутри столетий. Конечно, логичнее было бы выделять периоды с учетом приоритета не только исторических (хотя и с учётом их), но ещё и внутрилитературных закономерностей развития литературного процесса.

А.А. Ахматова (судя по воспоминаниям поэтов и писателей ахматовского круга) была убеждена: реальные границы литературных «веков» не совпадают с формальными хронологическими. С её точки зрения, XIX век продолжался с 1789 до 1914 г., т. е. длился 125 лет! Если следовать её логике, XX век – увы! – оказался чуть ли не вдвое короче: с Первой мировой войны до «великой криминальной революции» 1991–1993 гг. (это выражение – название документального фильма С. Говорухина), т. е. всего лишь около 80 лет, потому что основная масса литературных произведений 90-х гг. представляет совершенно иную идеологическую, этическую и эстетическую парадигму, чем предшествующие десятилетия, литературные тенденции которых либо находятся в этот период в глубоком кризисе, либо уходят на периферию литературного процесса.

Разделяя идею А. Ахматовой и распространяя ее на XX век, мы сталкиваемся с первоочередной задачей – не только определить рамки этой литературной эпохи, но и найти тот рубеж, когда трансформировалась литературная пара-

дигма внутри самого «века», резко изменив главную внутреннюю тенденцию литературного развития, выдвинув новые ценностные ориентиры и изменив саму форму литературной борьбы и контуры «литературной карты» последующих десятилетий. Принципиально определить, где «водораздел» между литературой первой и второй половины XX века.

Обычно в учебных пособиях [1–3] берут за основу идеологический принцип и границу эту видят в середине 50-х гг. XX в., когда умер Сталин, прозвучал доклад Хрущева на XX съезде КПСС, за чем последовала «оттепель». С нашей же точки зрения, «**срединным**» **рубежом литературы XX в. была Великая Отечественная война**. «Половины» века получают неравными по продолжительности, но дело не в этом, а в реальном содержании литературного процесса, его движущих силах и духовном наполнении.

При обычном политизированном подходе к периодизации целый этап развития литературы (1946–1955) «выпадает» из поля зрения историков литературы: о нём не говорят, не пишут, либо презирают как «социалистический классицизм» [4] «литературу позднего сталинизма» [5] или как «зону выжженной земли». Вот это, на наш взгляд, и есть главная ошибка, вытекающая из постсоветской политической тенденции.

Все зависит от того, что считать доминантой в жизни 40-х гг.: «разгул культа личности» или трудный процесс возрождения и развития свободной литературной мысли. Учитывая, что было и первое, и второе, важно определить *позитивную* тенденцию, которая не канула в Лету, как «лакировочная литература», а *получила развитие* в дальнейшем. И, на наш взгляд, это

именно вторая тенденция – данную гипотезу мы постараемся аргументировать.

Три переломных события в истории России, определившие важнейшие изменения в содержании литературного процесса

В истории России XX в. можно выделить *три события, определивших основное содержание эпохи* и оказавших большое воздействие на развитие литературы: революция 1917 г., Великая Отечественная война, «революция» начала 90-х гг., спровоцировавшая развал Советского Союза. Их влияние на жизнь страны, да и каждого человека, было практически тотальным.

1. **Революция** стала главным событием и главной проблемой литературы **первой половины века** (во всяком случае, его первых четырех десятилетий): до 1917 – её ожидание, подготовка и призывы к революции, ощущение её неизбежности, 20-30-е – период осмысления революции, её результатов для личности, России, человечества. Так что проблема **«человек и революция»** – главная в литературе **1-й половины XX столетия**. Но после 30-х гг. она переходит в разряд **исторической** (историко-революционной).

2. **Великая Отечественная война** стала **вторым** грандиозным, переломным событием в истории России XX в., испытанием страны на прочность. Она изменила направление исторического движения. Война, с одной стороны, показала **мощь** созданной в результате революции системы; с другой – стала точкой её «надрыва»: после войны начинается процесс разрушения и распада системы. Война также вызвала к жизни новую глобальную проблему: **«человек / народ и война»** – и большой самостоятельный пласт литературы второй половины XX века со своей проблематикой, жанровой системой, течениями и стилевыми формами. Она всегда была волнующе близкой читателю, пока жили поколения, пережившие войну.

Но для литературы 2-й половины XX в. новой и **главной** стала проблема **«человек и система»**, а для её решения имел большое значение опыт осмысления как революции, так и войны.

3. В конце века произошло **третье** грандиозное историческое событие – **крушение системы**, уничтожение и развал великой страны – это с легкой руки кинорежиссера Станислава Говорухина называют «великой криминальной революцией». «Литературный результат» этой революции, видимый сейчас, – глубокий **кризис**, распад основных литературных потоков, сформировавшихся во второй половине столетия, и заполнение образовавшегося вакуума «черну-

хой» и разного рода постмодернистскими «игрушками». Это «антилитература» по отношению не только к советской, но и вообще к русской литературе.

Чем же можно аргументировать идею «рубежного» характера литературы 40-х (а не 50-х) годов? На наш взгляд, для этого необходимо понимание *главной проблемы* литературы 40-х гг. о войне. Это поможет решить вопрос о том, был ли данный период продолжением гражданской войны или, наоборот, именно тогда наметилась тенденция примирения ранее враждовавших лагерей. Наконец, важно понять, каков идейно-художественный эквивалент утверждаемой нами «середины века», определивший главные тенденции развития литературы последующих десятилетий.

Главная проблема литературы о войне

Концептуальную основу произведений о войне, на наш взгляд, составляет решение следующего постоянно возникающего вопроса: **чем была война в судьбе человека, народа, государственной системы**: 1) апофеозом созданной после революции системы или её **кризисом**; 2) **освобождением** или **подавлением** человека и народа; 3) **победой** или **поражением** народа и страны? Для молодого поколения эти вопросы, может быть, имеют академический характер. Но для переживших войну это не так.

Позиция «либералов» по этому поводу была выражена много раз, и одна из самых четких её формулировок была дана в «Литературной газете» А. Мелиховым и Ф. Разумовским: «Суть дела в том, что Россия вчистую проиграла весь XX век. На коммунистический проект были израсходованы чудовищные людские и материальные ресурсы. В результате Россия надорвалась». Им ответил критик Лев Аннинский: «Да если бы Россия «вчистую проиграла весь XX век», то мы бы с вами **не по-русски** обсуждали этот самый XX век, а **по-немецки**... Да и не мы – мы-то в трубу вылетели бы газовую образца 1942 г.» [6, с. 9]. Понятно, что речь идет о том, была ли *Победа* в Великой Отечественной войне, какова ее суть и цена. Волею неволей эта проблема ставится и сейчас, особенно в связи с памятливыми датами истории войны. К юбилеям Победы сняли, например, несколько отвратительно-лживых сериалов и фильмов, не имеющих ничего общего с реалиями войны. А в 2007 г. на «Кинотавре» был представлен совершенно омерзительный фильм «Сволочи» (о якобы имевшей место подготовке диверсантов из малолетних преступников, инструкторами которых были настоящие уголов-

ники). Жюри присудило этому фильму первое место. Но член жюри режиссер В. Меньшов при вручении награды сказал: «Я не могу участвовать в награждении этого подлого фильма, позорящего мою страну. Пусть это сделает Памела Андерсон» – и, бросив конверт с премией на стол, ушел со сцены – это видела вся страна на экранах телевизоров.

Реальное содержание войны включает в себя и героику, и трагедию, и ужасающую жестокость, что вызывает разное отношение к войне и разные её оценки. Но важно понять, что было *главным* историческим и духовным итогом войны, определить её, так сказать, *духовный вектор*. От этого будет зависеть и решение проблемы **периодизации** истории литературы XX века, в частности, поставленного нами вопроса: где граница между литературой 1-й и 2-й половины столетия?

Мы уже говорили, что в учебниках практически всегда эту границу проводят через середину 50-х годов и связывают со смертью Сталина, XX съездом КПСС и началом «оттепели». Следствием этого становится оценка войны только как *апофеоза* сталинской системы, оценка литературы *периода самой войны* как исключительно официальной и «милитаристской», а литературы *послевоенной* – как «зоны выжженной земли», «литературы позднего сталинизма», значение её из-за такого подхода подчёркнуто игнорируется, а это яркий пример ненаучного, идеологизированного подхода к истории литературы.

Наша позиция заключается в том, что события середины 50-х гг. действительно были переломными и обнаружили новые тенденции развития литературы, однако тенденции эти **назревали уже в течение всех военных и послевоенных лет**. Так что настоящим «водоразделом» в истории страны и в развитии литературы XX в. была **война**. В течение её система, созданная в результате революции, *выдержала удар*, которого не выдержала бы ни одна другая (вспомните, как оказывались под сапогом вермахта страны Европы в 1939–1940 гг.). Но одновременно война стала *кризисной точкой* в развитии этой системы, началом ослабления и разрушения её. С этой точки зрения **именно в военной литературе возрождается свободная мысль**, начинается процесс освобождения от тоталитарной мифологии, от духовного оцепенения после событий конца 30-х гг. Что же касается *послевоенной* литературы, то, несмотря на колоссальное идеологическое давление, она **продолжила процесс духовного освобождения**, в ней отчетливо проявилось дыхание свободы, и это нашло свое выражение главным образом в тогдашней литературе именно о войне.

В чем конкретно выразился исторический и духовный перелом в литературе середины века (т.е., с нашей точки зрения, в литературе 40-х гг.)? Изложим два важнейших аргумента в пользу нашей гипотезы.

Тенденция к внутреннему единению страны и примирению бывших врагов – «белых» и «красных»

В годы войны сложилось «фронтовое братство» и братство всего народа перед лицом смертельной опасности для родины. Здесь не нужно пространных рассуждений, достаточно привести замечательные стихи, сложенные в годы войны, – строки из «Василия Теркина» А. Твардовского и стихотворения «Музыка» А. Межирова:

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за всё на свете.
От Ивана до Фомы.
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе – это мы,
Тот народ, Россия.
Тут не скажешь: я – не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.
Раз война – про всё забудь
И пенять не вправе.
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

(А. Твардовский)

... И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда и души и тела
Война проклятая топтала.
Стенали яростно навзрыд
Одной-единой страсти ради
На полустанке – инвалид
И Шостакович – в Ленинграде.

(А. Межиров)

1. Забыты были внутренние распри. Война *примирила* белых и красных. Во всяком случае, сняла остроту противостояния. И если раньше «комиссары» были смертельными врагами, условно говоря, «поручика Голицына и корнета Оболенского», то во время войны реальная княжна Вика Оболенская, как и многие «комиссары», погибла в гестаповском застенке (была обезглавлена, как и ее советский товарищ – татарский поэт, коммунист, политрук Красной Армии Муса Джалиль). Война создала особое состояние мира – то, которое Гегель называл

героическим. Обстановка общенародного, общенационального подъёма перед лицом смертельной для всех опасности отодвинула внутренние противоречия на второй план, и всё было подчинено главному – защите Отечества. Война изменила и отношение к России в эмиграции, большая часть которой не только не сотрудничала с немцами, но и участвовала в борьбе против них. Так же, как княжна Вика Оболенская, погибла неуловимая «красная княгиня» Тамара Волконская, за которой долго охотилось гестапо. Е. Кузьмина-Караваева (знаменитая «мать Мария») в концлагере пошла в газовую камеру вместо другой женщины. Погибла в немецком концлагере Анна Скрябина, дочь известного композитора. Очень многие бывшие белогвардейцы не захотели сотрудничать с фашистами. Более 100 русских эмигрантов-подпольщиков погибли во Франции, сражаясь в рядах французского сопротивления. Генерал А.И. Деникин бежал из Парижа, отказавшись участвовать в организации антисоветских сил. Бывший белогвардейский полковник Ф. Махин стал генерал-полковником Народно-освободительной армии Югославии, воевавшей против немцев. Другой белоэмигрант – Смирнов – стал начальником инженерной службы этой армии. Бывшие идеологи «белых», кадеты, министры Временного правительства П.Н. Милюков и В.А. Маклаков пересмотрели свои прежние оценки Советской власти. Адмирал Кедров (зам. председателя прежней эмигрантской антисоветской военной организации РОВС) теперь говорил: «Россия спасена и спасла весь мир. Я с благодарностью приветствую новую государственность, армию и их вождей». И.А. Бунин удивлялся сам себе: «Я волнуюсь за Красную Армию?!» (см. об этом в кн. В. Шамбарова [7, с. 398–403]). Конечно, как и во всякой войне, были и предатели на той и другой стороне – недаром после войны одновременно были повешены бывший атаман Белой (Донской) армии Краснов, поддерживавший Гитлера, и бывший генерал, командующий 2-й Ударной армией, а затем фашистской «власовской» армией Власов.

А в самой России власть вынуждена была апеллировать к глубинным народным патристическим чувствам. Это началось ещё в преддверии войны, а в 1941-м, когда «припекло», даже Сталин заговорил удивительно непривычным языком: «братья и сестры», «друзья мои». А «братья и сестры» спасали не власть – Родину. Короче говоря, сложилось то, что было официально названо неуклюжим и неточным термином – «морально-политическое единство советского народа». За этим пропагандистским клише стоят серьезные исторические и духов-

ные реалии Великой Отечественной войны. Их эстетическим эквивалентом в литературе было то, что Гегель называл термином «героическое состояние мира».

В годы войны в эвакуации в Чистополе были задуманы и уже создавались два ключевых для рубежного периода «середины века» романа: «Русский лес» Л. Леонова и «Доктор Живаго» Б. Пастернака. В романе «Доктор Живаго» есть сцена, которая всегда приводила в недоумение и сторонников, и противников Пастернака. Это сцена боя, когда Юрий Живаго – врач и человек нейтральный – тем не менее вовлечен в сражение на стороне красных. И он не целясь, но всё же стреляет и ранит одного из юнцов-гимназистов. Эта сцена смущает многих: и тех, кто видит в романе «апологию предательства», и тех, кто симпатизирует и автору романа, и «белым» мальчикам. А ведь в ней самое главное – другое: доктор и у «белого» юнца, и у убитого «красного» мальчика-партизана находит один и тот же зашитый в ладанках 90-й псалом, который должен был уберечь того и другого от гибели. Сцена глубоко символическая, и есть точка зрения, что этот символ включает в себе глубинный смысл романа – *идею необходимости и неизбежности «примирения белых и красных»* [8, с. 153]. Толчок к возникновению такой идеи в сознании автора дала Великая Отечественная война. Именно этим глубинным смысловым мотивом объясняется неприятие романа со стороны идеологов того времени, и советских, и антисоветских, и диссидентствующих, чья задача состояла и состоит в сохранении противостояния белых и красных, т.е. в дальнейшем расколе российского общества. Изложенное выше толкование пастернаковского романа, между прочим, «достаточно безумно», чтобы иметь отношение к истине. Оно действительно объясняет и смысл ключевой для концепции романа сцены, и причины его неприятия идеологами, спровоцировавшими невиданный скандал вокруг произведения [8], глубокого, концептуально оригинального, спокойного и мудрого. Эта идея изложена в книге Лисичкина и Шелепина [8], в параграфе под названием «Операция «Пастернак». Авторы исходят из того, что в окружении Хрущева, а затем и его преемников действовала «пятая колонна», состоявшая из «идеологов КПСС». Этим термином они обозначают «организацию касты жрецов-идеологов, прикрывавших свои действия «марксизмом-ленинизмом», а на деле наносивших удары по собственной стране в координации с Западом» [8, с. 8]. Именно они и инициировали скандал вокруг романа, нанёсший такой огромный урон авторитету нашей

страны в мире. С точки зрения авторов книги, конечно же, не Хрущев был организатором всей этой кампании, а ЦРУ вкупе с советской «пятой колонной». Роман ведь был уже набран в издательстве «Художественная литература», и Пастернак просил итальянского издателя Фельтринелли подождать с публикацией романа на Западе до его выхода в Советском Союзе.

Война – пора свободы

Так назвал свою глубокую и точную статью о поэме «Василий Теркин» Ю. Буртин [9].

Важнейший и основной мотив, возникший в годы войны в литературе, – мотив свободы (это и духовная свобода, и надежда на увеличение степени свободы социальной). Глубже и ярче всего этот мотив был выражен в главной книге о войне – в поэме А. Твардовского «Василий Теркин», где поэту удалось создать монументальный и живой образ русского солдата, показать духовную атмосферу войны. Недаром даже И. Бунин, ненавидевший всё «советское», оценил поэму Твардовского как настоящий шедевр, главное в котором – лейтмотив духовной свободы. И, между прочим, как отметил Ю. Буртин, вы не найдете в поэме ни единой строчки ни о социализме, ни о коммунизме, ни о партии, ни даже о Сталине. Сакраментальный, якобы обязательный приказ, поднимающий солдат в атаку: «За Родину, за Сталина!» в поэме повторяется часто, но звучит совсем иначе: «В бой! За Родину! Вперёд!» «В ряду ценностей, утверждаемых в поэме, «советское» вовсе не исключается, но оно поглощается гораздо более всеобъемлющими понятиями – Россия, родина, родной край, дом, «сучок в стене», мать, жена, дети – ценностями национальными и общечеловеческими» [9, с. 104].

Вот это и есть **народная философия войны**. Она выражена Твардовским в высшей степени отчетливо и свободно, без оглядки на какую-либо цензуру: внешнюю, внутреннюю. Свободен на этой «святой и правой» войне и её главный участник – солдат, воин. Казалось бы, какая может быть свобода в армии, тем более на войне? Поэт и сам вроде бы говорит об этом, когда доказывает свой тезис, что «на войне сюжета нету»:

Есть закон – служить до срока,
Служба – труд, солдат – не гость.
Есть отбой – уснул глубоко,
Есть подъём – вскочил, как гвоздь.
Есть война – солдат воюет,
Лют противник – сам лютует.
Есть сигнал: вперед!.. – Вперёд.
Есть приказ: Умри!... – Умрёт.

На войне ни дня, ни часа
Не живёт он без приказа,
И не может испокон
Без приказа командира
Ни сменить свою квартиру
Ни сменить портянки он.
Ни жениться, ни влюбиться
Он не может – нету прав.
Ни уехать за границу
От любви, как бывший граф.

Так что же это за свобода, если человек в воюющей армии так стеснён? Но на этой войне, именно на этой, «святой и правой», он свободен. Что ему может угрожать?

Ничего, с земли не стонят,
Дальше фронта не пошлют! –
он свободен психологически.

Идея свободы как главной духовной ценности, родившейся в войну, свойственна не только «Книге про бойца», но очень многим произведениям писателей и поэтов той поры.

Поэтесса Ольга Берггольц (заметим, что её муж – Борис Корнилов, автор знаменитого «Марша энтузиастов» – был расстрелян в ГУЛАГе, а сама она перед войной была арестована, её «вытащил» из бериевских застенков Фадеев) зимой 1942 г. в Ленинграде, где её голос звучал всю блокаду из радиорепродукторов города, написала:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Таковыми мы **свободными** бывали,
Такою мы **свободою** дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

Семён Гудзенко в стихотворении «Я был пехотой в поле чистом» тоже утверждал, что главным на войне была обретенная солдатом свобода:

С какой **свободой** я дружил –
Ты памяти не тронь!

В послевоенное пятилетие, в ту пору, когда идеологическое давление на литературу, казалось, было совершенно невыносимым и едва ли не большим, чем в 30-е гг., когда многие не выдерживали этого давления и подчинялись официозу (даже Константин Симонов, создававший в военные годы прекрасные стихи, дискредитировал себя пьесами вроде «Русского вопроса» и «Чужой тени»), когда распространилась псевдолитературная «лакировочная» мифология в произведениях о современности, а в критике свирепствовала «теория бесконфликтности», придуманная В. Ермиловым, – в это время *мысль о свободе продолжала звучать* в лучших произведениях, особенно в повестях о войне, таких как «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Спутники» В. Пановой, «Звезда» и «Двое в степи» Э. Казакевича. Если мысль возникла, её уже нельзя уничтожить.

Послевоенная повесть о войне в годы наивысшего, казалось бы, расцвета «культы личности» отразила процесс преодоления идеологии и философии этого самого «культы». Люди в годы войны осознали себя *людьми*, перестали *считать себя «винтиками»* государственной машины, перестали *быть «винтиками»*. И литература отразила это самосознание народа, понимание того, что человек, личность – не «винтик», а целый мир. В военной прозе рождался **новый тип концепции личности в литературе**.

В годы войны (в эвакуации в Чистополе) и в послевоенные годы в тесном общении двух талантливых художников рождались замыслы и создавались тексты крупнейших романов, изменивших в 50-е годы всю последующую ситуацию в литературе на несколько десятилетий: «Русский лес» Л. Леонова и «Доктор Живаго» Б. Пастернака.

Б. Пастернак недаром чрезвычайно высоко оценивал войну в «эпilogue» своего романа как рубежный момент нашей истории: «... война явилась очистительной бурей, струёй свежего воздуха, веянием избавления <...> Война – особое звено в цепи революционных десятилетий. Кончилось действие причин, прямо лежавших в природе переворота. Стали сказываться итоги косвенные, плоды плодов, последствия последствий. Извлечённая из бедствий закалка характеров, неизбалованность, героизм, готовность к крупному, отчаянному, небывалому. Это качества сказочные, ошеломляющие, и они составляют нравственный цвет поколения» [10, с. 590]. И, продолжая свою мысль, он выделяет как главный духовный итог войны (распространяя его и на послевоенные годы) рождение свободной мысли: «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» [10, с. 603].

Родившиеся на рубеже 40–50-х гг. романы Леонова и Пастернака – как наиболее крупные явления этого порядка – обозначили начало нового этапа в развитии литературы, причём в двух отношениях:

1. Они выразили полный отказ от официозной концепции соцреализма. В них чётко и очень сходно два художника дали оценку отрицательных последствий революции – как в жизни, так и в литературе. Это объединяет два ключевых романа начала 50-х годов.

2. Но одновременно в этих романах были выдвинуты две принципиально разные концепции человека, которые стали истоком крупнейшего разделения всей последующей литературы

на два потока, развивавшиеся в 50–80-е гг. XX века. Более подробно эта мысль выражена и аргументирована нами в статье «Два ключевых романа 40-х годов («Русский лес» Л. Леонова и «Доктор Живаго» Б. Пастернака) [11].

Итак, мы изложили и постарались аргументировать нашу гипотезу о «рубежном» месте литературы 40-х гг. в литературном процессе XX в. и, следовательно, о фактическом начале «оттепели» на десятилетие раньше официальной и всеми принятой концепции.

Fin de sieckle

А теперь, как и в начале статьи, опираясь на мысль Анны Ахматовой о несовпадении хронологии периодов исторических и литературных, поставим вопрос о том, когда же фактически заканчивается литература XX века.

С нашей точки зрения, здесь возможны два подхода.

1. XX век заканчивается 80-ми годами. В 90-е же годы полностью поменялась литературная парадигма, обозначилась колоссальная разница между прежними и новыми опорами: идеологическими, этическими, эстетическими, литературно-организационными (возникли новый тип цензуры – уже не политический, а, скорее, экономический, а также деление на новый официоз, новую оппозицию и масскультуру). Конечно, тогда еще сохранились и сейчас продолжают сохраняться «следы» литературных тенденций предыдущих десятилетий, хотя и в состоянии кризиса. А «возвращённая литература» не может рассматриваться как литературное явление 90-х гг., потому что она отражает состояние общественной мысли предшествующих времен. Основное же содержание литературного процесса этой эпохи составила «альтернативная литература», которая выразила себя в так называемой «чернухе» разного рода и формалистических постмодернистских «играх». Но это уже другая история литературы, чем та, которая развивалась в предыдущие 89 лет.

2. Если же рассматривать литературу 90-х годов как часть XX века, то к ней можно применить выражение «fin de sieckle», очень популярное в конце XIX в., о чем свидетельствует частое его употребление в «Жизни Клима Самгина» М. Горького. Симптоматично и нередкое в этой «хронике» начала века упоминание имени норвежского психиатра Макса Нордау, изложившего в книге под характерным названием «Вырождение» [12] свое понимание литературного поворота на грани XIX–XX вв., связанное прежде всего с развитием декаданса. В романе М. Горького прочитывается та мысль, что в

культуре, в частности в литературе, рубежа XIX–XX вв. проявились тенденции к «вырождению», и то же самое, пожалуй, можно сказать о литературе 90-х гг. XX в. Однако и в горьковские времена, и в конце XX в. была и есть также и литература подлинная, дающая надежду на преодоление «вырожденческих» тенденций.

Список литературы

1. История русской литературы XX века (20–50-е годы). Литературный процесс. Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 776 с.
2. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студентов высших уч. заведений: В 2 т. М.: Академия, 2003.
3. История русской литературы XX века (20–90-е годы). Основные имена. М.: Изд. отд. филол. факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 480 с.
4. Синявский А. Что такое соцреализм? [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.](http://www.agitclub.ru/museum/satira/samiz/fen04.htm)

[agitclub.ru/museum/satira/samiz/fen04.htm](http://www.agitclub.ru/museum/satira/samiz/fen04.htm) (дата обращения 12.08.2012).

5. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
6. Мелихов А., Разумовский Ф., Аннинский Л. Полемика «Что с нами произошло?» // Литературная газета. № 35. 2007. 5-11.09. С. 9.
7. Шамбаров В. Государство и революции. М.: Эксмо, 2002. 685 с.
8. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Алгоритм, 2003. 418 с.
9. Буртин Ю. Война – пора свободы // Октябрь. 1993. № 6. С. 102–107.
10. Пастернак Б. Доктор Живаго. М.: Советская Россия, 1989. 640 с.
11. Сухих С.И. Два ключевых романа 50-х годов XX века («Русский лес» Л. Леонова и «Доктор Живаго» Б. Пастернака) // Вестник ННГУ. 2012. № 4. С. 385–392.
12. Нордау М. Вырождение. М.: Республика, 1995. 399 с.

ON THE PROBLEM OF PERIODIZATION OF THE 20TH-CENTURY LITERARY HISTORY

S.I. Sukhikh

The author considers the place of the 1940s literature in the literary process of the 20th century. A new hypothesis is put forward and confirmed: it was the period of Soviet literature development that became the border between the first and the second halves of the 20th century.

Keywords: history of literature, literary process, Second World War, freedom.